

ГЕННАДИЙ ЛЕВИЦКИЙ

ГАЙ ЮЛИЙ ЦЕЗАРЬ.
ПРЕДПОЧИТАЮ БЫТЬ
ПЕРВЫМ...

Геннадий Михайлович Левицкий Гай Юлий Цезарь. Предпочитаю быть первым...

Авторский текст

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=2819215

ЭНАС, Феникс;

Аннотация

Перед нами биография самого известного человека и самого загадочного правителя в мировой истории. Он мог одновременно заниматься многими делами, с его именем связаны слова «июль» и «царь». Им разработан и введен календарь, согласно которому, год начинается с января и имеет 365 дней, и каждый четвертый – високосный. Великий военачальник, покоритель Западной Европы, муж самой известной египетской царицы – достижения Цезаря можно перечислять бесконечно. Не меньше в этом человеке и парадоксов. Он был кумиром плебеев и чужим для сенаторов, но стал пожизненным диктатором; истребил миллионы людей – римлян и неримлян, а не числится в списке ужаснейших злодеев мировой истории; он знал о готовившемся на него покушении и ничего не сделал для его предотвращения. Пример для подражания для последующих диктаторов и кумир толпы – он гениально уничтожил римскую республику. Историки спорят: хорошо поступил он или нет,

забывая, что за эксперименты Цезаря каждый второй римлянин заплатил жизнью. Цвет нации никогда не возродится, величайшее государство, ведомое чудовищами на троне, медленно, но неотвратимо будет двигаться к пропасти. Все эти калигулы, клавдии, нероны неизменно принимали имя своего духовного отца – Гая Юлия Цезаря, а кроме имени, наследовали уверенность, что верховному властителю Рима позволительно абсолютно все.

Содержание

Предисловие	6
Наверх по лестнице	12
1. Начало конца римской республики	12
2. Первые шаги	23
3. История с Никомедом	29
4. Уроки риторики на пиратском корабле	36
Конец ознакомительного фрагмента.	45

Геннадий Михайлович Левицкий Гай Юлий Цезарь. Предпочитаю быть первым...

*«Всем людям, стремящимся отличаться от остальных, следует всячески стараться не прожить жизнь безвестно, подобно скотине, которую природа создала склоненной к земле и покорной чреву. Вся наша сила ведь — в духе и теле: дух большей частью повелитель, тело — раб, первый у нас — общий с богами, второе — с животными. Поэтому мне кажется более разумным искать славы с помощью ума, а не тела, и, так как сама жизнь, которой мы радуемся, коротка, следует оставлять по себе как можно более долгую память. Потому что слава, какую дают богатство и красота, скоротечна и непрочна, доблесть же — достояние блистательное и вечное»
(Гай Саллюстий Крисп. О заговоре Катилины)*

Предисловие

Детство и юность героя нашего повествования пришлось на смутное время гражданских распрей и войн. Он мог погибнуть, едва сделав в жизни первые шаги, но судьба словно берегла юношу для своих великих планов. Впрочем, что касается Цезаря, судьбе отводилась небольшая роль; он сам выбирал путь в жизни и упорно шел к поставленной цели.

Гай Юлий Цезарь внимательно следил за происходящим в Риме; сначала на ощупь, затем целенаправленно, он искал свою тропу в полной хаоса жизни; он взял самое лучшее из опыта предшественников и приложил все старание, чтобы не повторить их ошибок; чтобы не только стать первым в Риме, но остаться им надолго... навсегда.

К Цезарю можно относиться по-разному: восхищаться им, либо порицать, благоговеть перед его деяниями либо ненавидеть, но невозможно стереть его имя из памяти человечества. Цезарь, «овладевает рукой пишущего и заставляет, как бы он ни торопился, задержать внимание на своей личности», — признается римский историк Веллей Патеркул.

Его титанические усилия, перевернувшие Рим и вынудившие Западную Европу идти по пути им определенному, заставляют исследователей с глубокой древности и до наших дней изучать его биографию, искать разгадку феномена по

имени «Цезарь».

Путь Цезаря пытался повторить самый известный авантюрист Наполеон Бонапарт. Он подражал великому римлянину в битвах, в каждой из которых оставлял резерв, неизменно приносивший победу в решающую минуту. Наполеон подражал далекому кумиру и в деле государственного устройства (даже в мелочах). Во главе Франции оказались два непонятных консула, но реальную власть имел первый консул — Бонапарт. Интересен момент коронации Наполеона: на его голову была возложена не золотая и даже не железная корона лангобардских королей, но корона римских императоров из лавровых листьев.

Удивительно, но Цезаря считают своим люди совершенно чуждых друг другу идеологий, моральных принципов, политических взглядов.

Какой-то особый подход к личности Цезаря существует уже не одно тысячелетие. Мы возмущаемся деянием восточного владыки, построившего пирамиду из человеческих голов. Но этот факт тускнеет перед подвигами Цезаря в Галлии. Счет его жертв идет на миллионы, этот рано начавший лысеть римский щеголь уничтожил, продал в рабство или отправил на арену цирков большую часть мужского населения Европы.

Его идейного последователя — Наполеона — именовали «Корсиканским чудовищем». Цезарь же за убийство целых народов при жизни получал славу и триумфы, а после смерти

и вовсе прослыл человеком, щадившим своих врагов.

Гай Юлий ловко уничтожил римскую республику, стал пожизненным диктатором, и фактически первым римским императором. Удивительное дело: узурпация власти, ликвидация демократии в Риме трактуется историками (начиная с древних), как прогрессивный шаг, как объективная необходимость.

Немецкий историк Теодор Моммзен за подобные шалости лишь слегка, словно ребенка, пожурил Цезаря:

«Однако великие люди замечательны вовсе не тем, что они меньше всего ошибаются. Если же спустя тысячелетия мы все еще благоговейно склоняемся перед тем, что хотел и сделал Цезарь, то причина этого не та, что он добивался короны и получил ее, — в чем, собственно, так же мало великого, как и в самой короне, а та, что он никогда не забывал своего великого идеала свободного государства под главенством одного лишь лица и благодаря этому, даже достигнув монархической власти, не опустился до низкого царизма».

Что ж, отдадим должное Цезарю и мы, раз Моммзен настаивает, — Цезарь был неплохим правителем. Но к чему привело сосредоточение верховной власти в одном лице? Императоров, подобных Цезарю, были единицы, но имелись многие десятки бездарностей либо исчадий ада на римском троне. И что ждало народ, который вместе с историками рукоплескал Цезарю и радовался его победам?

Непонятно, в чем прогрессивность единовластия, когда

читаешь биографии Каллигуллы, Нерона, Клавдия и прочих менее известных императоров-злодеев либо ничтожеств. С концом республики великая мировая держава начала неудержимо катиться к гибели, попутно проливая реки крови в братоубийственных войнах.

Можно понять множество больших и маленьких наполеонов, которые не одно тысячелетие пытаются подражать своему кумиру. Однако марксистско-ленинская идеология считала убийцу республики Цезаря своим в доску парнем.

Во всем мире принято ругать правителей: королей, президентов... Наполеон много сил и стараний уделял тому, чтобы его образ и после смерти оставался привлекательным и достойным подражания. И все же Цезаря в этом отношении ему не удалось превзойти. Поразительно, как государственный деятель, всю жизнь творивший в мире зло, остался в памяти потомков положительным человеком.

Как и любой диктатор, Цезарь желал оставить после себя добрую память. И это ему удалось.

Две тысячи лет лучшие умы человечества волнует вопрос: как Цезарь стал Цезарем? Но не менее важна и другая проблема: как оценить его деяния беспристрастно. Кто-то видит в нем героя, кто-то подлеца, кто-то безумно гениального и расчетливого карьериста. Но прежде всего, он человек, и как человек неординарный — он разный. Цезаря невозможно изобразить в одном цвете. Если даже проникнуться духом

той далекой эпохи и мыслить так как мыслили древние римляне, деяния Цезаря окажутся неподвластны для объективной оценки. С Цезарем соприкасались тысячи и тысячи людей, а он был он не с ними. Этот колосс жил в будущем, где не было места республике с ее атрибутами, столь дорогими соотечественникам. Он искал гармонии в обществе, мечтал об идеальном правителе...

Образ Цезаря при обилии исторических фактов настолько скользкий и неуловимый, что даже признанный знаток Рима — Теодор Моммзен — попадал в тупик. Гениальный немецкий историк полагал, что в цельной человеческой натуре Цезаря совместились отличительные особенности римского народа и эллинизм:

«Но в этом также заключается и трудность, можно даже сказать невозможность отчетливо изобразить Цезаря. Как художник может изобразить все, кроме совершеннейшей красоты, так и историк, встречая совершенство один какой-нибудь раз в тысячелетие, может только замолкнуть при созерцании этого явления».

Настолько поражал масштаб деяний этого человека, что древние авторы выводили родословную Цезаря от богов: «Он происходил из найзнатнейшей семьи Юлиев и, как это установлено всеми знатоками старины, вел свое происхождение от Анхиза и Венеры» (Веллей).

Венера почиталась римлянами как богиня любви и красоты; что ж, в жизни Цезаря найдется места для любви, и

не одной. Анхис (Анхиз) считался мифическим властителем дарданов в Трое. Согласно легенде, околдованная Зевсом Афродита воспыкала любовью к Анхису и родила от него сына Энея. В общем, предков Цезарь имел весьма достойных.

На этом с мифологией закончим вместе с Веллеем Патеркулом, ибо далее он пишет о Гае Юлии Цезаре как о вполне обычном человеке, рожденном для великих целей:

«Выделявшийся среди граждан внешностью, наделенный неукротимой силой духа, неумеренный в щедротах, вознесшийся духом выше всего человеческого, естественного и вероятного, величию помыслов, стремительностью в военных действиях, выносливостью в опасностях уподоблявшийся Великому Александру, но рассудительному, а не гневному, наконец, сном и пищей всегда пользовавшийся для поддержания жизни, а не для удовольствия».

С таких же реальных позиций будем рассматривать величайшего человека и мы (по крайней мере, будем стараться, ибо человек субъективен): без положительных и отрицательных эмоций, поклонения или ненависти — мы проследим путь Цезаря от «ничего» до «всего». Цитаты из древних источников помогут читателю разобраться, что это был за человек и в чем секрет его успеха.

Наверх по лестнице

1. Начало конца римской республики

Рим был не похожим на государства, существовавшие до него и с ним одновременно, его граждане изобрели уникальную форму правления: два консула, избираемые сроком на год. Предел мечтаний каждого честолюбивого римлянина был вполне достигаемым; к высшей должности вела лестница, которую мог при желании пройти любой желающий гражданин. Впрочем, с некоторыми оговорками: гражданин должен иметь кроме желания и некоторые способности, и еще, в начальный период существования республики такое право являлось исключительной прерогативой патрициев — коренного населения римской общины.

Однако плебеи, — сословие, состоявшее из покоренных римлянами латинов и чужеземцев, переселившихся в Рим, — довольно скоро исправили эту несправедливость. В 445 г. до н. э. (далее в тексте все даты до н. э.) были официально разрешены браки между патрициями и плебеями. Бесправное в начале своего существования сословие шаг за шагом отвоевывало позиции у потомственных римских аристократов, наконец, в 367 г. после упорного противостояния патриции отказались от главной привилегии: согласно закону

Лициния и Секстия плебеи получили право занимать должность консула.

Итак, к началу 3 в. гражданские и политические права плебеев и патрициев уравнились полностью. Но уже в следующем веке в самом демократическом государстве мира стала острой другая проблема — социальное неравенство. Проблема не только Рима, но всего человечества во все времена, в государствах с любым политическим строем. Именно существование богатых и бедных приводило к самым кровавым революциям и гражданским войнам. Собственно, не столько само неравенство было страшно и даже не несправедливо (не могут иметь равные блага лентяй и трудоголик, пьяница и гений), более опасны попытки всех облагодетельствовать. И чаще всего на роль справедливых вождей претендуют беспринципные авантюристы. Впрочем, в Риме «начало эпохи гражданских кровопролитий и безнаказанных убийств» связывается с благородными братьями Гракхами.

Старший — народный трибун Тиберий Гракх — решил изъять часть земель у крупных землевладельцев и раздать ее бедным согражданам. Затея понравилась римским деклассированным элементам, и вскоре у Тиберия появилось некоторое количество сторонников. Это и погубило трибуна; он возомнил себя борцом за справедливость и, согласно Плутарху, «всеми средствами и способами старался ограничить могущество сената, скорее в гневе, в ожесточении, нежели ради справедливости и общественной пользы».

Бедняга Тиберий предлагал народу «удочку» за символическую плату, однако нищие, но гордые плебеи не хотели ловить рыбу, а желали получать ее готовой и бесплатно. Показательно, что борец за народные права не был даже избран народным трибуном на следующий срок. Число его сторонников не превышало трех тысяч, и в 133 г. Тиберия убили ножкой от скамьи, а тело сбросили в Тибр. С его сподвижниками управились тоже легко и скоро. «Всего погибло больше трехсот человек, убитых дубинами и камнями, и не было ни одного, кто бы умер от меча» (Плутарх).

Дело Тиберия продолжил его брат — Гай Гракх. Ему удалось даже основать колонию беднейших граждан на месте разрушенного Карфагена. (Как далеки от народа эти древние борцы за его благоденствие! Они так и не поняли, что стало ясно одному российскому политику в 1917 г. нашей эры: чтобы добиться успеха, народу надобно обещать ВСЕ, и при этом достаточно указать, у кого это ВСЕ можно отнять.) Гай Гракх вместо бесплатной раздачи хлеба и прочего имущества принялся раздавать святая святых для каждого римлянина; он предложил права римского гражданства предоставить латинским союзникам, — это и лишило его большей части сторонников-римлян.

Глашатаи сената объявили, что за голову мятежного Гая Гракха будет уплачено столько золота, сколько она завесит. Голову народному трибуну отрубил Септимулей, которого Аврелий Виктор называет «другом Гракха». «Когда ее поло-

жили на весы, — рассказывает Плутарх, — весы показали семнадцать фунтов и две трети (римский фунт — 327,5 г.). Дело в том, что Септимулей и тут повел себя как подлый обманщик, — он вытащил мозг и залил череп свинцом».

Из неудач Гракхов честолюбивые римляне сделали свои выводы. Главное, что они поняли: ничтожных нищих плебеев можно использовать, чтобы добиться высшего положения в государстве, и вовсе не обязательно к заветному консульству идти путем, определенным древними законами и римским правом. С этой поры замечательная римская республика начала неудержимо катиться к гибели. По иронии судьбы наиболее способствовали этому процессу те, что были призваны защищать государственность и закон — консулы, военачальники, первые лица Рима. Увы! Непомерному римскому честолюбию стало тесно в рамках закона и традиций. Государство долгое время поощряла в гражданах стремление к славе, почестям — такая политика приносила небывалые плоды и вывела Рим на первое место в мире; она же его ввергла в бездну произвола, сделала игрушкой в руках жестоких, сумасшедших, порой безвольных императоров.

Гай Марий стал следующим за братьями Гракхами, кто внес посильный вклад в дело уничтожения республики.

«Родители Мария были люди совсем не знатные, бедные, добывавшие пропитание собственным трудом, — пишет о

его происхождении Плутарх. — Марий поздно попал в город и узнал городскую жизнь..., он жил, не ведая городской утонченности, просто, но зато целомудренно, воспитываясь так, как римские юноши в старину».

Что ж, римские законы позволяли карьерный рост и гражданам из небогатых семей, тем более, Гай Марий обладал для этого мужеством, упрямством в достижении целей и определенными способностями. Но вот беда, вместе с лучшими качествами в будущем консуле жила ненависть к тем, кто знатнее и богаче его. И чем выше он поднимался, тем становилась она сильнее, тем старательнее он пытался натравить на своих собратьях вечно недовольных плебеев. После одного столкновения, по словам Плутарха, «все поняли, что Мария нельзя ни запугать, ни усовестить и что в своем стремлении заслужить расположение толпы он будет упорно бороться против сената».

Плебеи оценили старания своего неожиданного покровителя: не обладавший ни богатством, ни красноречием в 107 г. Гай Марий избирается консулом. Впрочем, скромный защитник обездоленных с удовольствием породнился с благородным семейством Цезарей. Вот как рассказывает об этом событии, наложившем определенный отпечаток на судьбу Гая Юлия Цезаря, Плутарх:

«Однако граждане высоко ценили его (Мария) за постоянные труды, простой образ жизни и даже за его высокомерие, а всеобщее уважение открывало ему дорогу к могуще-

ству, так что он даже смог вступить в выгодный брак, взяв в жены Юлию из знатного дома Цезарей, племянник которого, Цезарь, немного лет спустя стал самым великим из римлян и, как сказано в его жизнеописании, часто стремился подражать своему родственнику Мариию».

Марий поступил гораздо мудрее, чем побуждаемые добрыми намерениями Гракхи. Он дал нищим гражданам жалование, паек, но они получили это... в качестве собственных солдат Мария. «Избранным консулом, Марий тотчас провел набор, вопреки закону и обычаю записав в войско много неимущих и рабов, которых все прежние полководцы не допускали в легионы, доверяя оружие, словно некую ценность, только достойным — тем, чье имущество как бы служило надежным залогом, — и далее Плутарх пишет о возросшей заносчивости нового консула. — Но больше всего нареканий вызвали не действия Мария, а его высокомерные, полные дерзости речи, оскорблявшие самых знатных римлян: он говорил, что консульство — это трофей, с бою взятый им у изнеженной знати и богачей, или, что он может похвастаться перед народом своими собственными ранами, а не памятниками умерших и чужими изображениями».

Марий в своих речах безжалостно ниспровергал древние славные сенаторские роды. «Все это он говорил не ради пустого бахвальства, — замечает Плутарх, — не с тем, чтобы понапрасну вызвать ненависть к себе среди первых в Риме людей: народ, привыкший звонкостью речей измерять вели-

чие духа, ликовал, слыша хулу сенату, и превозносил Мария, этим побуждая его в угоду простонародью не щадить лучших граждан». Вот он — самый действенный способ добиться народной любви и реализовать самые черные планы! Вот такой пример древней грязной политтехнологии!

Марий был первым, кто заимел фактически личную, подвластную только ему армию, но скоро у него появится множество последователей.

Однако мало завербовать солдат, раздать оружие и выплатить жалование: нужно, чтобы армия верила полководцу и шла за ним куда угодно и против кого угодно. Механизм преданности солдат полководцу довольно прост; он был прекрасно известен древним. Поскольку им с успехом пользовался не только Марий, но и его родственник — Гай Юлий Цезарь, — то познакомимся с описанием Плутарха:

«Война несет с собой много тягостных забот, и Марий не избегал больших трудов и не пренебрегал малыми; он превосходил равных себе благоразумием и предусмотрительностью во всем, что могло оказаться полезным, а воздержанностью и выносливостью не уступал простым воинам, чем и снискал себе их расположение. Вероятно, лучшее облегчение тягот для человека видеть, как другой переносит те же тяготы добровольно: тогда принуждение словно исчезает. А для римских солдат самое приятное — видеть, как полководец у них на глазах ест тот же хлеб и спит на простой подстилке или с ними вместе копает ров и ставит частокол. Вои-

ны восхищаются больше всего не теми вождями, что раздают почести и деньги, а теми, кто делит с ними труды и опасности и любят не тех, кто позволяет им бездельничать, а тех, кто по своей воле трудится вместе с ними».

Воевал Гай Марий неплохо. Он блестяще закончил долгую Югуртинскую войну (111–105 гг.). Когда над Римом нависла смертельная опасность в виде орд кимвров и тевтонов, Марий вторично, в нарушение всех законов, избирается консулом. И вновь он оправдал надежды сограждан: сотни тысяч тевтонов были уничтожены на подходе к Италии. Разгром был столь страшным, что, по словам древнего автора «жители Массилии костями павших огораживали виноградники, а земля, в которой истлели мертвые тела, стала после зимних дождей такой тучной от наполнившего ее на большую глубину перегноя, что принесла в конце лета небывало обильные плоды».

Приблизившиеся к Альпам кимвры долго ждали тевтонов. Наконец, они вступили в переговоры с Марием и потребовали предоставить в Италии «им и их братьям достаточно обширную область и города для поселения. Когда на вопрос Мария, кто же их братья, послы назвали тевтонов, все засмеялись, а Марий пошутил: «Оставьте в покое ваших братьев; они уже получили от нас землю, и получили навсегда» (Плутарх).

В упорном бою Марий разбил и кимвров.

Восторженные римляне продолжали вручать консульство Марию год за годом, а следовало бы им вспомнить о довольно несправедливой традиции остракизма у своих соседей, — самого популярного политического деятеля греки отправляли в изгнание, дабы у него не возникло соблазна установить тиранию.

К несчастью для римлян, у Гая Мария появился соперник в борьбе за славу — удачливый военачальник Луций Корнелий Сулла, происходивший из ненавистного консулу-простолюдину патрицианского рода. Оба полководца не поделили войну с понтийским царем Митридатом, и в результате шесть лет (с 88 по 82 гг.) римляне сражались друг с другом.

«И вот эта-то вражда, столь незначительная и по детски мелочная в своих истоках, но затем через кровавые усобицы и жесточайшие смуты приведшая к тирании и полному расстройству дел в государстве, показывает, сколь мудрым и сведущим в общественных недугах человеком был Еврипид, который советовал остерегаться честолюбия, как демона, самого злого и пагубного для каждого, кто им одержим», — приходит к такому выводу Плутарх. Если отложить в сторону умные учебники по истории, очерки и монографии, где подробно разбираются предпосылки всех римских внутренних конфликтов и войн, а заняться рассуждениями вместе с древними авторами, то именно честолюбие (развитое в римлянах, как ни в одном народе) и являлось причиной всех римских побед и бед одновременно.

Все те же человеческие слабости и явились причиной долгой кровавой войны, они же раскололи Рим надвое и каждую сторону обеспечили гражданами, готовыми сражаться друг с другом не на жизнь, а на смерть. «Никто из тех, кто превосходил его (Мария) славой, не заставлял его так страдать и терзаться, как Сулла, который приобрел могущество, используя ненависть знати к Марию, и сделал вражду с ним основой своего возвышения» (Плутарх).

«Только этой напасти не хватало римскому народу — пронзить братоубийственным мечом самого себя, чтобы посреди города, на форуме, словно на арене, граждане стали сражаться с гражданами на манер гладиаторов! — возмущается римский историк Луций Анней Флор. — Можно было бы отнестись к этому более спокойно, если бы высокая должность и положение предводителя были использованы для преступления плебейскими вождями. Но — о позор! — какие это были люди! Что за полководцы! Марий и Сулла! Гордость и украшение века! Все свои достоинства они, однако, поставили на службу самому низкому злодеянию».

Марий умер в начале братоубийственной войны, но успел оставить память о себе не только как о талантливом полководце. «При виде разбросанных по улицам и попираемым ногами обезглавленных трупов никто уже не испытывал жалости, но лишь страх и трепет», — так описывает древний автор последние деяния обожаемого победителя кимвров и тевтонов.

Зачинщик страшной гражданской войны умер, но она продолжалась еще долгих четыре года. И Луций Сулла, который поставил цель вернуть в Рим закон, безжалостно убивал тех, кто делали то же самое ранее, и не только их. «Ярость овладела всей Италией и свирепствовала до тех пор, пока было кого убивать, — читаем у Флора. И далее историк сообщает число жертв только последних сражений в войне. — Убийство Суллой у Сакрипорта и Коллинских ворот более семидесяти тысяч было меньшим преступлением: шла война». Луций Корнелий Сулла возвратил гражданам древние обычаи очень дорогой ценой, и ненадолго.

2. Первые шаги

Родился Гай Юлий Цезарь в 100 г., в месяце, который впоследствии назовут его именем.

В литературе довольно часто встречается другой год рождения Цезаря — 102. «Состарил» нашего героя на целых два года Теодор Моммзен (1817–1903 гг.). Свои выводы немецкий историк делает на основании того обстоятельства, что Цезарь занимал государственные должности на два года раньше положенного срока: Цезарь был эдилом в 65 г., претором — в 62 г., консулом — в 59 г., тогда как по римским законам эти должности можно было занимать не ранее как на 37–38, 40–41 и 43–44 году жизни.

Однако заметим, что все это происходило во времена, когда законы больше нарушались, чем соблюдались. Товарищ Цезаря по триумвирату и его соперник в борьбе за власть — Гней Помпей — получил триумф в 27 лет (раньше, чем стал сенатором), а консульство — в 36 лет. Как увидим далее, деятельный Цезарь столь же мало считался с древними римскими законами.

Дата рождения в 100 г. подтверждается античными историками Аппианом, Светонием, Плутархом. Они единодушно утверждают, что Цезарь умер 15 марта 44 г. на 56-м году жизни. Веллей Патеркул сообщает, что «Цезарю едва ис-

полнилось восемнадцать лет, когда Сулла захватил власть». (Хозяином Италии Луций Корнелий Сулла стал после кровопролитной гражданской войны в 82 г.).

Тацит в «Диалоге об ораторах» сообщает, что «на двадцать первом году» жизни Цезарь выступил с обвинениями против Долабеллы. Это произошло, по свидетельству Светония, после смерти Суллы и подавления мятежа Эмилия Лепида, — то есть событий относившихся к 78 г. Если бы Цезарь родился в 102 г., то к моменту суда над Корнелием Долабеллой он бы находился далеко не «на двадцать первом» году.

Поэтому, при всем уважении к величайшему немецкому историку Теодору Моммзену, мы все же примем цифру 100 за год рождения Цезаря.

Он рано лишился отца, и воспитанием мальчика занималась мать — Аврелия. (Точно так же Александра Македонского растила Олимпиада; а Летиция оказала огромное влияние на становление Наполеона. Великих диктаторов, тиранов, завоевателей почему-то растили и пускали в мир с напутственным словом не отцы, а именно матери; впрочем, этот вопрос больше касается психологов, и не будем в него углубляться.)

Несмотря на смутное время, Гай Юлий получил прекрасное всестороннее образование, но лучшим учителем была, конечно же, мать. «От нее самой, — приходит к выводу немецкий историк Карл Фридрих Беккер, — Цезарь научил-

ся чарующей, мягкой, вкрадчивой речи и привлекательной обходительности в обращении, благодаря которым впоследствии он повсюду пользовался всеобщим расположением».

В 88 г. началась гражданская война: Рим разделился на популяров — сторонников Мария, и оптиматов — тех, кто поддерживал Суллу и сенат. Во времена распрей старинная фамилия Цезарей оказалась между двух огней. Власть в Риме захватили люди Мария и Цинны, горевшие ненавистью к представителям старинных патрицианских родов; не послужило защитой даже то, что женой Гая Мария была Юлия — родная тетка нашего Цезаря. Почувствовавшая запах крови и безнаказанности чернь убила братьев: Гая Юлия Цезаря Страбона и Луция Юлия Цезаря, бывшего консулом в 90 г. Уничтожались лучшие из лучших.

Даже в храмах не было спасения недавним хозяевам жизни. Консул 87 г. Луций Корнелий Мерула, «который к приходу Цинны сложил с себя консульскую власть, вскрыл себе вены и, обливая кровью алтари, стал возносить молитвы о проклятии Цинны и его приверженцев тем богам, которым, будучи фламином Юпитера, молился о благе отечества; так завершил он жизнь, полную заслуг перед государством» (Веллей).

Однако подрастающий Гай Юлий пользовался личным покровительством Мария на правах близкого родственника и даже благодаря репрессиям получил первую в жизни должность, — почетную и весьма высокую. Дело в том, что

фламинами Юпитера могли быть только патриции, — такая у них осталась последняя привилегия; однако почти все они оказались уничтоженными популярами, тем, что повезло больше — бежали к Сулле в Грецию. Культ, оскверненный к тому же кровью консула, некому стало обслуживать, и Марий назначает тринадцатилетнего Цезаря фламинов верховного римского бога — Юпитера.

Довольно в юном возрасте Цезарь вступил в брак (по крайней мере, ему не было 18 лет) с дочерью одного из вождей популяров — Цинны. Вскоре Корнелия родила ему дочь Юлию. Так у Цезаря удачно начала складываться карьера, и с личной жизнью было все в порядке. Однако бесстрашный Сулла высадился в Италии и в нескольких сражениях разгромил популяров; Марий умер еще в 86 г., а тестя Цезаря — Цинну — убили собственные легионеры.

К власти пришла партия сената — та, к которой принадлежал Цезарь по праву рождения, но теперь для победителей он стал чужаком. Карьера, столь бурно начавшаяся, внезапно остановилась. Да что карьера! Едва самой жизни не лишился молодой Цезарь, волею судьбы оказавшийся во враждебном лагере. Ведь оптиматы расправлялись с марианцами отнюдь не с меньшей жестокостью, чем недавно расправлялись с ними.

Сулла лишил 18-летнего Цезаря жреческого сана, отобрал приданное его жены и приказал развестись с Корнелией. В те смутные времена многие оказались связанными брачными

узами с представителями враждебных лагерей, но даже верный сторонник диктатора — Помпей — не осмелился ему возразить. Он послушно развелся с обожаемой Антистией и взял в жены падчерицу Суллы, Эмилию, которая была в это время замужем и уже беременна. И лишь от упрямого юноши Сулла не смог добиться развода с Корнелией.

За непослушание, по словам римского историка Светония, Цезарь «был причислен к противникам диктатора и даже вынужден скрываться. Несмотря на мучившую его лихорадку, он должен был почти каждую ночь менять убежище, откупаясь деньгами от сыщиков, пока, наконец, не добился себе помилования с помощью девственных весталок и своих родственников и свойственников...

Сулла долго отвечал отказами на просьбы своих преданных и видных приверженцев, а те настаивали и упорствовали; наконец, Сулла сдался, но воскликнул, повинувшись то ли божественному внушению, то ли собственному чутью:

— Ваша победа, получайте его! Но знайте: тот, о чьем спасении вы так стараетесь, когда-нибудь станет погибелью для дела оптиматов, которое мы с вами отстаивали: в одном Цезаре таится много Мариев!»

После такого прощения жизнь Цезаря всецело зависела от настроения диктатора, безжалостно истребившего всех, кто был связан родственными узами с Марием и Цинной. Юноша не осмелился появляться в Риме; некоторое время

он скрывался на землях италийского народа сабинян.

Гай Юлий в детстве и юности отличался слабым здоровьем, а удары судьбы и скитальческая жизнь вызывали новые и новые болезни. Позже в неимоверно трудных походах Цезарь закалит свое тело и не будет уступать легионерам-ветеранам ни в чем, а пока... «Однажды, — рассказывает о злоключениях юноши Плутарх, — когда он занемог и его переносили из одного дома в другой, он наткнулся ночью на отряд сулланских воинов, осматривавших эту местность, чтобы задерживать всех скрывающихся. Дав начальнику отряда Корнелию два таланта, Цезарь добился того, что был отпущен, и тотчас, добравшись до моря, отплыл в Вифинию, к царю Никомену».

3. История с Никомедом

В Азии девятнадцатилетний Цезарь начал военную службу в свите претора Марка Терма. Последний направил его к царю Вифинии Никомеду для получения флота.

В Вифинии Цезарь задержался на некоторое время, и эта заминка дала повод для сплетен. «Он часто общался с царем Вифинии Никомедом и этим создал себе дурную славу безнравственного человека», — сообщает Аврелий Виктор. Впрочем, этот автор и ограничивается одной фразой; главный же обвинитель — Гай Светоний Транквилл. Заметим, что Аврелий Виктор жил в 4 в. н. э., а годы жизни Светония исследователи определили следующими рамками — ок. 70 — после 122 гг. н. э. Виктор несомненно был знаком с трудом своего предшественника и пользовался его сведениями.

Итак, что же пишет Светоний относительно посещения Цезарем Вифинии?

«Тогда и пошел слух, что царь растлил его чистоту; а он усугубил этот слух тем, что через несколько дней опять поехал в Вифинию под предлогом взыскания долга, причитавшегося одному его клиенту-вольноотпущеннику».

В общем, и Светоний дает информацию на уровне слухов, однако спустя несколько глав этот большой любитель сплетен решил посмаковать горячую тему. Неожиданно он даже представляет свидетелей в таком интимном и презируемом

римлянами деле:

«На целомудрии его единственным пятном было сожительство с Никомедом, но это был позор тяжкий и несмыываемый, навлекший на него всеобщее поношение. Я не говорю о знаменитых строках Лициния Кальва:

...и все остальное,

Чем у вифинцев владел Цезарев задний дружок.

Умалчиваю о речах Долабеллы и Куриона старшего, — продолжает клеймить позором Цезаря разошедшийся Светоний, — в которых Долабелла называет его «царевой подстилкой» и «царицыным разлучником», а Курион — «злачным местом Никомеда» и «вифинским блудилищем». Не говорю даже об эдиктах Бибула, в которых он обзывает своего коллегу вифинской царицей и заявляет, что раньше он хотел царя, а теперь царства; в то же время, по словам Марка Брута, и некий Октавий, человек слабоумный и потому невожатый на язык, при всем народе именовал Помпея царем, а Цезаря величал царицей... А Цицерон описывал в некоторых своих письмах, как царские служители отвели Цезаря в опочивальню, как он в пурпурном одеянии возлег на золотом ложе, и как растлен был в Вифинии цвет юности этого потомка Венеры; мало того, когда однажды Цезарь говорил перед сенатом в защиту Нисы, дочери Никомеда, и перечислял все услуги, оказанные ему царем, Цицерон его

перебил: «Оставим это, прошу тебя: всем отлично известно, что дал тебе он и что дал ему ты!» Наконец, во время галльского триумфа его воины, шагая за колесницей, среди других насмешливых песен распевали и такую, получившую широкую известность:

*Галлов Цезарь покоряет, Никомед же Цезаря;
Нынче Цезарь торжествует, покоривший Галлию, —
Никомед не торжествует, покоривший Цезаря».*

Что касается последней песенки, то у римлян существовала древняя традиция — распевать насмешливые и даже оскорбительные стихи о триумфаторе с определенными целями: во-первых, чтобы не сглазить победу, чтобы не отвернулась удача от победителей, во-вторых, чтобы не зазнавался триумфатор.

Заметим, что все упоминаемые «свидетели обвинения» являлись врагами Цезаря — в них, как у всякого великого человека, у Гая Юлия не было недостатка. Не в силах его сломить, недруги использовали любой повод, чтобы оклеветать. Единственное, что могло утешить Цезаря, — подобного обвинения не избежали самые сильные мира сего — Александр Македонский, Гамилькарь; о римских императорах разговор особый.

Далее Светоний опровергает сам себя, рассказывая о душевных и физических пристрастиях Цезаря, в которых нет места нетрадиционной сексуальной ориентации:

«На любовные утехи он, по общему мнению, был падок и расточителен. Он был любовником многих знатных женщин — в том числе Постумии, жены Сервия Сульпиция, Лолии, жены Авла Габиния, Тертуллы, жены Марка Красса, и даже Муции, жены Гнея Помпея...

Это далеко не полный перечень любовных походов самого знаменитого римлянина. «И в провинциях он не отставал от чужих жен: это видно хотя бы из двустигии, которое также распевали воины в галльском триумфе:

*Прячьте жен: ведем мы в город лысого развратника.
Деньги, занятые в Риме, проблудил ты в Галлии.*

Среди его любовниц были и царицы — например, мавританка Эвноя, жена Богуда: и ему и ей, по словам Назона, он делал многочисленные и богатые подарки. Но больше всех он любил Клеопатру...»

Власть сильно меняет людей, причем, не в лучшую сторону. На вершине могущества обнажаются пороки, тщательно скрываемые людьми, над которыми тяготели какие-либо обстоятельства; абсолютная власть не только поощряет, но и провоцирует порочность, безнаказанную преступность. Можно привести несколько примеров из того же Светония.

Довольно много пикантных подробностей имеется в биографии императора Тиберия: «На Капри, оказавшись в уединении, он дошел до того, что завел особые постельные ком-

наты, гнезда потаенного разврата. Собранные толпами отовсюду девки и мальчишки — среди них были те изобретатели чудовищных сладострастий, которых он называл «спинтриями» — наперебой совокуплялись перед ним по трое, возбуждая этим зрелищем его угасающую плоть...

Но он пылал еще более гнусным и постыдным пороком: об этом грешно даже слушать и говорить, но еще труднее этому поверить. Он завел мальчиков самого нежного возраста, которых называл своими рыбками и с которыми он забавлялся в постели. К похоти такого рода он был склонен и от природы и от старости... Говорят, даже при жертвоприношении он однажды так распалился на прелесть мальчика, несшего кадьницу, что не мог устоять, а после обряда чуть ли не тут же отвел его в сторону и растлил, а заодно и брата его, флейтиста; но когда они после этого стали попрекать друг друга бесчестьем, он велел перебить им голени».

Признанным виртуозом по части всевозможнейших мерзостей был, несомненно, Нерон. Этот император до того пресытился обычными людскими пороками, что стремился совершить непревзойденную гнусность, каких еще не знала история:

«Мало того, что жил он и со свободными мальчиками и с замужними женщинами: он изнасиловал даже весталку Рубрию. С вольноотпущенницей Актой он чуть было не вступил в законный брак, подкупив несколько сенаторов консульского звания поклясться, будто она из царского рода.

Мальчика Спора он сделал евнухом и даже пытался сделать женщиной: он справил с ним свадьбу со всеми обрядами, с приданным и с факелом, с великой пышностью ввел его в свой дом и жил с ним как с женой. Еще памятна чья-то удачная шутка: счастливы были бы люди, будь у Неронова отца такая жена! Этого Спора он одел, как императрицу, и в носилках возил его с собою и в Греции по собраниям и торжищам, и потом в Риме по Сигилляриям, то и дело его целуя.

Он искал любовной связи даже с матерью, и удерживали его только ее враги, опасаясь, что властная и безудержная женщина приобретет этим слишком много влияния. В этом не сомневался никто, особенно после того, как он взял в наложницы блудницу, которая славилась сходством с Агриппиной; уверяют даже, будто разъезжая в носилках вместе с матерью, он предавался с нею кровосмесительной похоти, о чем свидетельствовали пятна на одежде. А собственное тело он столько раз отдавал на разврат, что едва ли хоть один его член остался неоскверненным. В довершение он придумал новую потеху: в звериной шкуре он выскакивал из клетки, набрасывался на привязанных к столбам голых мужчин и женщин и, насытив дикую похоть, отдавался вольноотпущеннику Дорифору: за этого Дорифора он вышел замуж, как за него — Спор, крича и вопя как насилуемая девушка».

Цезарь тоже много позволял себе, когда не стало соперников в борьбе за власть над Римом. И даже раньше..., еще

шла кровавая гражданская война, а пылкий Гай Юлий, забыв обо всем на свете, проводит несколько месяцев у ног обожаемой Клеопатры. Но египетская царица не была мужчиной. Никогда более Цезарь не проявил и намеком влечения к мужчинам, кроме сомнительного случая с Никомедом.

Однако вернемся к юному воспитаннику Аврелии, который скрывался от гнева всемогущего Суллы в Азии. Цезарь не был в положении загнанного в непролазные дебри зайца. В Азии изнеженный болезненный юноша проявил себя как настоящий мужчина-воин. При взятии Митилена он получил из рук Марка Терма свою первую боевую награду — дубовый венок (им награждался тот, кто в битве спас жизнь римского гражданина).

Затем Гай Юлий служил в Киликии под началом Публия Сервилия Исаурийского. Этот район был одним из самых опасных в Азии; здесь зародилось организованное пиратское братство, которое в скором времени станет обладать Средиземным морем, полностью парализует торговлю и будет держать в страхе все побережье. Чуть позже Цезарь лично столкнется с морскими джентльменами удачи.

В Киликии Цезарь пробыл недолго — в 78 г. пришло известие о смерти Суллы, и двадцатидвухлетний изгнанник вернулся в Рим.

4. Уроки риторики на пиратском корабле

А в Риме назревала новая смута; новый пожар братоубийственной войны упорно пытался разжечь Марк Эмилий Лепид, которого Сулла назвал в свое время «отъявленным негодяем». Собственно, этому искателю приключений ничего более не оставалось предпринять для собственного спасения: будучи наместником Сицилии, он дочиста ограбил богатейший остров и теперь ему грозил суд.

Марку Лепид желал видеть в числе своих сторонников Гая Юлия Цезаря и, согласно Светонию, «прельщал его большими выгодами», но получил отказ. Отказался Цезарь не из страха, но потому, что «его разочаровал как вождь, так и само предприятие, которое обернулось хуже, чем он думал». Мятежников довольно скоро разгромил Помпей, несмотря на то, что Лепиду удалось подчинить большую часть Италии. «Отъявленный негодяй» бежал на Сицилию; «там он занемог и умер, совершенно упав духом, но не из-за крушения своего предприятия, — сообщает Плутарх, — а потому что ему случайно попало письмо, из которого он узнал о неверности своей жены». Вот каким простым способом Италия избавилась от новой гражданской войны!

Цезарь с детства мечтал о славе и власти, но стремился (по крайней мере, в юности) обрести их законным путем, пусть

даже длинным и требовавшим много усилий. Он занялся тем, с чего начинало большинство римлян, желавших получить известность среди граждан и добиться выборных должностей: судебными тяжбами. Именно в судах совершенствовалось красноречие будущих римских консулов, а успешное завершение громких дел гарантировало им голоса избирателей.

Впрочем, юноша выбрал орешек явно не по своим зубам. Он обвинил в вымогательствах в провинции бывшего консула и триумфатора Корнелия Долабеллу. Консуляра оправдали, а Цезарь нажил себе влиятельных врагов из числа друзей Долабеллы. Начинаящий оратор не впал в отчаянье — напротив, он решил достичь совершенства в искусстве, которое было необходимо политику. С юных лет воспитанник Аврелии не привык проигрывать: он мог временно отступить, что бы затем взять блестящий реванш; и чем труднее дело, тем интереснее было закончить его успешно.

Гай Юлий Цезарь отправляется на остров Родос, чтобы взять уроки у самого знаменитого в те времена учителя красноречия Аполлония Милона. Причем, отправился он немедленно, хотя стояла зима, и Средиземное море считалось в эту пору закрытым для мореплавания из-за частых штормов.

Корабль Цезаря миновали жестокие морские бури, но другая напасть обрушилась на него возле острова Фармакуса в Эгейском море и надолго лишила его возможности брать уроки красноречия, но не давать их...

Римляне настолько увлеклись решением своих проблем в братоубийственных войнах, что не заметили, как потеряли Средиземное море. Новый противник возник буквально ниоткуда, но его появление было закономерным. Активность пиратов всегда возрастала, когда непрочной становилась законная власть, когда государства втягивались в гражданские, либо тяжелые внешние войны. Когда все плохо и непрочно и появляется множество любителей рыбной ловли в мутной воде.

Римляне с ужасом обнаружили себя отрезанными от внешнего мира морем, которое было для них дорогой в Грецию, Азию, Африку. Торговля оказалась полностью парализованной: римляне голодали, а в заморских провинциях сокращались посевные площади из-за невозможности сбыта выращенного урожая. Некоторые купцы с риском для жизни отправлялись в плавание во время зимних бурь, но, как оказалось, и пираты не дожидались хорошей погоды в прибрежных бухтах.

«Могущество пиратов зародилось сперва в Киликии, — рассказывает Плутарх. — Вначале они действовали отважно и рискованно, но вполне скрытно. Самоуверенными и дерзкими они стали только со времени Митридатовой войны, так как служили матросами у царя. Когда римляне в пору гражданских войн сражались у самых ворот Рима, море, оставленное без охраны, стало мало-помалу привлекать пиратов

и поощряло их на дальнейшие предприятия, так что они не только принялись нападать на мореходов, но даже опустошали острова и прибрежные города. Уже многие люди, состоятельные, знатные и, по общему суждению, благоразумные, начали вступать на борт разбойничьих кораблей и принимать участие в пиратском промысле, как будто он мог принести им славу и почет. Во многих местах у пиратов были якорные стоянки и крепкие наблюдательные башни. Флотилии, которые они высылали в море, отличались не только прекрасными, как на подбор, матросами, но также искусством кормчих, быстротой и легкостью кораблей, предназначенных специально для этого промысла».

Кстати, и Луций Сулла, не имея собственного флота, пользовался услугами пиратов во время морских операций. Однако после смерти этого единственного из римлян, мог заставить себе служить даже флибустьеров, морские разбойники уже никому не подчинялись. Митридат, также использовавший пиратов в качестве наемников, был разбит Суллой и отброшен от Средиземного моря вглубь Азии.

Степень организованности пиратов можно оценить по выводам немецкого историка Теодора Моммзена. Уж очень их сообщество напоминает сицилийскую мафию. Не в том ли далеком времени ее корни?

«Весь характер пиратства совершенно изменился, — рассуждает Моммзен. — Это уже не были дерзкие разбойники, взивавшие в критских водах, между Киреной и Пелопонне-

сом («Золотое море» на языке флибустьеров), свою дань на большом пути итало-восточной торговли рабами и предметами роскоши; это не были также вооруженные ловцы рабов, в равной мере занимавшиеся «войной, торговлей и морским разбоем»: это было государство корсаров со своеобразным духом солидарности, с прочной и весьма солидной организацией; они имели собственное отечество и начатки симмахии и, несомненно, также определенные политические цели.

Эти флибустьеры называли себя киликийцами; на самом же деле на их судах встречались отчаянные искатели приключений всех национальностей: отпущенные наемные солдаты, вербовавшиеся на Крите, граждане разрушенных в Италии, Испании и Азии городов, солдаты и офицеры войск Фимбрии и Сертория, вообще опустившиеся люди всех наций, преследуемые беглецы всех потерпевших поражение партий, все, что было несчастно и смело, — а где не было горя и преступления в это страшное время? Это уже не была сбежавшаяся воровская банда, а замкнутое военное государство; национальность заменялась здесь масонской связью гонимых и злодеев, а преступление, как это нередко бывает, покрывалось самым высоким чувством товарищества.

В это разнузданное время, когда трусость и неповиновение ослабили все социальные связи, законно существовавшие союзы могли бы взять пример с этого незаконнорожденного государства, основанного на нужде и насилии; казалось, что только здесь сохранились еще безусловная солидарность,

товарищеский дух, верность данному слову и признанным вождям, храбрость и ловкость. Если на знамени этого государства была написана месть гражданскому обществу, которое по праву или несправедливо исключило из своей среды его членов, то можно было поспорить, был ли этот лозунг намного хуже девиза италийской олигархии или восточного султанизма, готовившихся, казалось, поделить мир между собой. Сами корсары считали себя, по меньшей мере, равноправными всякому законному государству.

Множество рассказов, полных истинного духа флибустьеров, буйного веселья и бандитского рыцарства, сохранили следы их разбойничьей гордости и пышности и их воровского юмора. Они считали, что ведут правую войну со всем миром, и были горды этим; то, что они при этом приобретали, они называли не награбленным, а военной добычей, и так как пойманного пирата в любой римской гавани ожидала смерть на кресте, то они считали себя вправе казнить всех своих пленных.

Их военно-политическая организация особенно упрочилась со времен войны с Митридатом. Их суда — по большей части «мышинные ладьи, т. е. небольшие открытые быстроходные парусные барки, и лишь изредка двух- и трехпалубные корабли — плавали теперь, соединившись в настоящие эскадры, под командой адмиралов, барки которых блестели золотом и пурпуром.

Ни один пиратский капитан не отказывал в просимой по-

мощи товарищу, которому угрожала опасность, хотя бы он ему был совершенно незнаком; договор, заключенный с кем-нибудь из их среды, беспрекословно признавался всей шайкой, но и за причиненную кому-либо из них несправедливость мстили все. Настоящей родиной их было море от Геркулесовых столбов до сирийских и египетских вод; убежище же, в котором они нуждались на суше для себя и для своих плавающих домов, им гостеприимно предоставляли мавританское и далматинское побережье, остров Крит, а прежде всего — богатый мысами и убежищами южный берег Малой Азии, господствовавший над главным путем морской торговли того времени и почти совершенно лишенный хозяина».

Но, конечно, настоящим домом пиратов был корабль, и они украшали это свое жилище так, что оно могло соперничать с дворцами царей и домами самых богатых римлян. Вот только жили пираты гораздо веселее, и с сокровищами обращались менее щепетильно. «Гнусная роскошь пиратов возбуждала скорее отвращение, чем ужас перед ними: выставя напоказ вызолоченные кормовые мачты кораблей, пурпурные занавесы и оправленные в серебро весла, пираты словно издевались над своими жертвами и кичились своими злодеяниями, — делится впечатлениями Плутарх. — Попойки с музыкой и песнями на каждом берегу, захват в плен высоких должностных лиц, контрибуции, налагаемые на захваченные города, — все это являлось позором для римско-

го владычества.

Число разбойничьих кораблей превышало тысячу, и пиратам удалось захватить до четырехсот городов. Они разграбили много неприкосновенных до того времени святилищ... Сами пираты справляли в Олимпе странные, непонятные празднества и совершали какие-то таинства; из них до сих пор еще имеют распространение таинства Митры, впервые введенные ими.

Чаще всего пираты совершали злодеяния против римлян; высаживаясь на берег, они грабили на больших дорогах и разоряли имения вблизи моря. Однажды они похитили и увезли с собой даже двух преторов, Секстилия и Беллина — в окаймленных пурпуром тогах, со слугами и ликторами. Они захватили также дочь триумфатора Антония, когда она отправлялась в загородный дом; Антонию пришлось выкупить ее за большую сумму денег».

Наглости пиратов не было предела, равно как не знала границ их изобретательность в поисках развлечений на тесной бандитской посудине. Любопытный образчик их черного юмора описывает Плутарх:

«Когда какой-нибудь пленник кричал, что он римлянин, и называл свое имя, они, притворяясь испуганными и смущенными, хлопали себя по бедрам и, становясь на колени, умоляли о прощении. Несчастный пленник верил им, видя их униженные просьбы. Затем одни надевали ему башмаки, другие облачали в тогу, для того-де, чтобы опять не оши-

биться. Вдоволь поиздевавшись над ним таким образом и насладившись его муками, они, наконец, спускали среди моря сходни и приказывали высаживаться, желая счастливого пути, если же несчастный отказывался, то его сталкивали за борт и топили».

К этому развеселому народу Цезарь и попал в плен. Пираты получили большое удовольствие от общения с ним; такие узники им еще не попадались!

Когда морские разбойники потребовали с Цезаря выкуп в двадцать талантов, он рассмеялся, заявив, что они не знают, кого захватили в плен, и сам предложил дать им пятьдесят талантов. На первый взгляд эта непонятная щедрость кажется глупым бахвальством, тем более что у юноши не было и двадцати талантов. Однако пираты могли и не польститься на малую сумму, а предпочесть отправить пленников на корм рыбам или продать в рабство.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.